

*Со-отнесение смыслов композиции живописных ярусов восточной стены
исихастерия и традиции росписи храмовой апсиды*

Дозволим же себе эти несколько вольные суждения при рассмотрении живописи восточной стены исихастерия... В традиционном живописном убранстве алтарной апсиды соотносятся устоявшиеся композиционные решения ярусного распределения композиций. В живописи нижнего яруса, как правило, мы видим композицию службы святых отцов, поклоняющихся Жертве – Поклонение Жертве. Достаточно часто изображение Жертвы вполне натуралистично, в иконографическом изводе «Мелисмос» изображается Богомладенец в жертвенной Чаше на престоле, символ обретает подчёркнутую натуралистичность. В ярусе над Поклонением располагаются, как правило сонмы святительских чинов, сопровождающих и умножающих, детализирующих образное представительство композиции «службы Святых Отцов». Далее, над сонмом святителей – место композиции «Причащение апостолов», где Сам Спаситель в сослужении ангелов - преподаёт Святые Дары – эта композиция иконологически проникновенно связана в

пространстве образа с Богословским замыслом образа «Небесной Литургии». В верхней части апсиды, в конхе – изображается Богоматерь в различных изводах: на троне – престоле, с Богомладенцем или без Него, в изобразительном изводе Оранты или Одигитрии. Мы несколько подробнее рассматриваем основные принципы и варианты композиционных устроений живописного образа алтарных апсид в отдельном очерке и здесь упоминаем лишь основные правила, традиции живописного убранства апсиды. И в живописи алтарной части храма на Ильине мы видим принципиальное соответствие основным закономерностям традиции. В живописи восточной стены исихастирия с допущенной себе долей свободомыслия можно проследить некоторые производные от общей традиции композиционного решения восточной части пространственного образа. Отметим, очевидную связь: в нижнем ярусе восточной стены исихастирия мы видим образ «Службы Святых Отцов – Поклонение Жертве». Подробно о том, как эта композиция распространяется на весь объём Троицкого придела – исихастирия мы рассуждаем в отдельном разделе достаточно пространно и здесь повторяться не станем. О том, что в центральной части композиции «Службы Святых Отцов» была изображена именно Жертва, позволяет судить не многое, - очень незначительный фрагмент изображения жертвенного Престола.

Святитель композиции «Служба Святых Отцов» перед изображением жертвенного престола.

О том, как он был написан, как была изображена Жертва мы сейчас уже не узнаем и говорим здесь, собственно, не об этом. С некоторой долей обоснованности можно утверждать, что в данном случае на престоле не было изображения с пронзительно откровенным содержанием «Мелисмос» - Богомладенца в Чаше, - подобному символу сопутствуют изображения ангельских сил, в данном же случае святитель с полураскрытым свитком достаточно, почти вплотную – приближен к жертвенному престолу. Важно, что здесь перед нами – изображение Новозаветной литургии, со-служения отцов –

создателей практики литургического действия, практиков её составления, реализации, исполнения, служения, - гимнографы и молитвенники, духовные делатели, стяжатели Духа Святого и и певцы совершаемого. Великолепие, торжество православия – представлено образом в службе святых отцов, которой мы со-причастны пред этим её выражением. Заметим здесь, что в живописи апсиды Ильинского храма подобная композиция со-служащих отцов не увенчана изображением Жертвы, - мы уже рассуждали об этом. Вместо Жертвы в алтарной живописи – изображение Христа на троне. Святые отцы со-служат перед Спасителем царственным, про-славленным, изображение Которого ближе композиционному решению общего моления – деисиса. Сама Жертва износится в литургии на престол перед изображением Христа и можно так сказать, что живописный образ в центральной апсиде распространяется на само литургическое действие, включает действие – служение священнослужителей и церковного народа, включая и сам престол в алтаре. Если же принять к рассмотрению одну только живопись, вне литургии, - мы не устроим в ней некоей законченности, привычной завершённости композиции. Более того, вне литургического действия живопись со-служения отцов у трона царствующего Христа несколько утрачивает сакральную глубину и полноту изображения таинства... но возвратимся же мысленно из области алтарной апсиды – к образной структуре восточной стены исихастерия...

Итак, в традиционном виде служба – литургическое сослужение святых отцов, в композиции, разворачивающейся пред престолом с Жертвой изображена на восточной стене исихастерия, как мы можем судить по оставшимся живописным фрагментам. В ярусе над «Службой Святых Отцов», над новозаветной литургией, где традиционно для алтарной апсиды расположение композиции «Причащения апостолов», как образного продолжения Небесной литургии, – вместо изображения евхаристии – образ «Ветхозаветной Троицы» в изводе «Гостеприимство Авраама». В предложенном нами варианте трактовки этой композиции мы также распознаём евхаристический сюжет, - причащение Сарры (и Авраама?) Хлебом. Интересно и представляется важным то, что в композиции «Причащения апостолов» в восточной апсиде Ильинского храма причащающиеся подходят к принятию Святых Даров с открытыми руками, а изображении гостеприимства – Троицы предстоящая Сарра изображена с руками покровенными. Заметим, что покровенность либо открытость рук апостолов, принимающих Святые Дары, – не есть некое устоявшееся неперемutable правило в устройении образных изображений. Руки восприемников таинства могут быть изображены как открытыми, так и прикрытыми покровами, в последнем случае иконографически – подчёркивается таинственность, утаённость, неявность сути происходящего. Встречаются варианты изображений, когда таинство восприятия Хлеба Плоти Христовой преподаётся в открытые руки, а сосуд Вина Крови принимается прикровенными руками. В данном случае изображённое мы могли бы трактовать так. Ветхий завет ещё не открыл полноты принимаемого Христа, ещё не воплотившийся Бог не осязаем – совершенно не явлен, таинственен. Говорить о том, что перед нами в исихастерии изображена небесная, пре-вечная литургия, прикасающаяся к земле, было бы не вполне верным. В иконографической традиции «Небесной литургии» символика Богослужебного действия, воссоздаваемого ангелами показывается более определённо. И, тем не менее, мы могли бы отдалённо - соотнести значения этих образов: превыечная, прежде сложения мира совершаемая литургия – Троицкий совет Лиц – про-явлен миру Ветхого завета, провозвещен образом для литургии завета Нового. Свершающееся событие

истраковано живописью в нашем понимании, как причащение Авраама и Сарры, причащение людей Ветхого завета прежде Боговоплощения Христа. В святоотеческом понимании ветхий человек жив в каждом из нас, - перед нами изображено причащение Христу нашего ветхого человека, восполнение нашей ветхости – Новым заветом. В православной экзегетике утверждено осмысление того, что Новый завет пред-существует завету Ветхому. Ветхозаветная Троица содержит в Себе Троицу Новозаветную и есть та же Троица неизменного и непреложного Бога. Превечный Бог, содержащий мир, Творец мира – та же самая Новозаветная Троица. В живописной композиции перед нами – изображено прообразовательное явление Новозаветной литургии в образе гостеприимства Авраама, - помышляем так. Лишь развивая это понимание, нам теперь можно сказать, что в образе гостеприимства Авраама – изображена Небесная литургия, низошедшая к земле прежде земных событий Нового завета, прежде Боговоплощения. Небесная литургия сообразуется с литургией ветхозаветной. Предвечная литургия Нового завета, предвечный Троицкий Совет – разрешается в земном событии встречи человека и Бога – в гостеприимстве Авраама. Божественный превечный Троицкий Совет существует прежде Боговоплощения и открывается человеку ждущему, жаждущему, приготовившему себя к восприятию – это откровение представлено в образе гостеприимства. Так перед нами – превечная Жертва, поклонение Ей и вхождение праотца, вовлечение предстоящих - в превечную литургию. Событие выходит в этом образе за пределы видимого и исторического. Событие возносится к превечному. Ангелы вмещают и вне-земной объём образа – вмещают и образ земного Богослужения. Примем же к уяснению этот смысл: перед нами образ литургии Небесной. Ниже – композиционный живописный ярус Богослужения – «Службы Святых Отцов», - как совершающееся литургическое, длящееся, происходящее перед нами, и с нами, и в нас самих в историческом времени – действие. По сути перед нами те же два композиционных яруса литургических образов, образов церкви, свойственной программе апсидной росписи: сочленение на единой вертикали образов – чинов литургии небесной и литургии земной.

Заметим, как отчётливо и внятно сформирован живописный пространственный объём композиций. Объём пространства активно формируется изобразительными средствами обратной перспективы. Столешница престола, вокруг которого расположены три Ангела – имеет обратно перспективный овальный контур, который как бы искусственно разомкнут некоей узорчатой вертикальной гранью перед нами и, должно быть, этой столешнице должно быть завершённой, продолженной таким же объёмом престола позади нас. Мы как бы приглашаемся в этот не завершённый, плоский и наклонённый к нам эллипс престола, к со-участию в превечной Божественной Трапезе. Заметим же, что и в столь малом архитектурном пространстве некоторые нюансы изображений остаются утаёнными от возможности их непосредственного восприятия взором человека, предстоящего образу, они могут быть внятно восприняты лишь при рассматривании образа с лесов или на увеличенных репродукциях изображённого. Но эти нюансы – вложены в образ, составляют и наполняют символ и значит должны присутствовать в нём вне зависимости от того, сможем ли мы рассмотреть и уяснить их в течение нашей молитвы перед образом, внутри образного пространства. «Нюансы» изображённого символически «работают» помимо нашего разумения и образ не может быть устроен иначе...

Додумываем, конечно же значение видимых в приближенности иконографических нюансов, - домысливаем, гадательно и интуитивно до-чувствуем их... и, представляется, что именно в этом смысл округлой части столешницы – престола, контура, повторяющего полукружие свода архитектурного пространства. Архитектурный свод, включённый в живописный объём, как бы перестаёт быть только сочетанием двух поверхностей: вертикальной стены и полукруглой, переходящей в свод северной стены, слева от нас. Свод в своём изгибе живописным объёмом словно бы наклоняется перед нами и пред-лагает пред

нашим взором, пред-лагает нам - Чашу, находящуюся на поверхности преевечного престола. Перед нами и над нами одновременно. Не существует понимания однозначного и единственного ощущения, единственного восприятия изображённого, в восприятии символа умножаются смыслы: Троица прочитывается и символически оказывается непосредственно пред нами, а мы образн – внутри Троицы, но вместе с тем образ Троицы недосыгаемо удалён, вознесён, непреступен – расположен так высоко - над нашим естеством.

Небесная литургия от-делена от нас и вместе с тем, объемлет, образно включает нас вместе со службой святых отцов. Центральный Ангел – Христос распостёр крыла над молитвенным пространством, над молящимися, осеняя и Лиц Троицы, и сослужащих святых отцов, и малое стадо сынов Господних у Престола... Земная литургия, служба отцов – поклонение Жертве – слишком близка к нам, изображение никак не отделено от нас, физически - ничем – между откровенным образом и человеком нет никакой алтарной преграды. Мы со святыми отцами в предельной близости – непосредственно - предстоим из-ображённой Жертве. Повторимся, даже если в этой части храмового пространства не совершается литургического заклания Агнца, пресуществления Святых Даров, пре-подания Даров верующим, верным вос-приемникам, мы находимся в образе поклонения Жертве. Мы – преклоняем свои выи пред Жертвой, а над нами – творится, про-исходит - литургия Небесная, к которой причастны земные люди – восприемники Ветхого завета... включаются и предстоящие, словно бы опосредованно образом «Службы Святых Отцов». Можно сказать, что личная молитва образно через «Службу Отцов» - возносится и включается в Небесную литургию. От символического поклонения Жертве мы восходим в Троицкий Совет, в промысел Бога о мире, о человеке, о Церкви, обо – мне. От поклонения Жертве мы сами – востекаем к трапезе, к пиршеству со-вместному с Ангелами Троицы. Столь высоки смыслы, столь обязывающи, столь вдохновляют они к молитве и живому, неустанному деланию... Так свободно и широко – деятельно и побудительно «работает» благоустроенный образ в молитвенном пространстве.

Изображение, изведение образа... перед фресками Феофана – можно ли помыслить, либо про-изнести словом вослед за умудрёнными книжниками, что перед нами о-прощённый, о-профаненный текст для людей несмысленный, не искушенных в слове, для людей, не способных запечатлеть в себе и усвоить всю полновесную глубину буквы Писания. Это был бы скорее иудейский, иконо-борческий взгляд на образ, взгляд, стремящийся если уж не отвергнуть из-ображение, то хотя бы унижить, о-пошлить суждением, низ - вести его с высот Боговедения. Для нас же образ, и мы утверждаемся в том пред фресками Феофана, – подобен Преданию, со-путствующему с Писанием. Образ – словно бы отражение практики испытания Писаний - творческого развития духовным опытом воспринимаемого священного текста. Воспримем же из-ображение, как со-образование о-живо-творение живым письмом - текста и практики молитвенного делания. Образ наделяет осмысление буквы новыми гранями, новой глубиной, экзегезой, огласовкой смыслов, которая не вмещается в слово, пре-вышает букву. Более того, словом может быть извращено верное понимание, изгнан, либо измельчён смысл сказанного в Писании. Образ же – возводит к высотам практического, действенного вхождения в самую суть написанного, описанного предуказанного, пред-на-чертанного словом. Сложно себе представить себе, что Писание составлено для того только, чтобы человек чтущий – прочёл

и как бы замер, бездеятельно впустив усвоенное слово, - да не будет сего. Но для действенного, молитвенного сердечного умягчённого продвижения к Богу восприимчивая буква, усвоенный смысл, к физическому осязанию и восприятию и сопровождению, к утверждению на пути своего личного спасения, восприятию Духа Святаго, как цели своего существования на жизненном течении, влечении к Богу. Вот и вычеканивает образ блики света на этом живом пути, становится образом путе-водным, отнюдь не упрощающим познание, отнюдь не выхолащивающим его смыслы. Путь-водящий образ... как он зачастую отличен от мертвящей буквы... и восполняет, наполняет её сухую графику. А, может быть, буква, текст, - даны нам к тому лишь, чтобы мы сами – творили этот образ, воспринимали живо-трепещущий образ, вмещённый в точёную, строгую графику текста и пребывали в восприятии его раскрывающихся глубин. Словно бы обонянием – обоняем через образ дыхание Духа Святаго, впуская Его в себя, в глубь своего естества... так и Сам Бог – впускает и таинственно - познаёт нас.

Честна пред Господом смерть преподобных Его... милостивых Его, умилованных Им... - великолепно и честна таковая смерть пред очами Господа. Мученический чин – предстаёт пред Самим Богом, как свидетель и Боговидец, как признанный и познанный чин святости. Дерзаем ли приобщиться к мученичеству, познавая образ перед нами, образ в самих нас... к мученичеству со-образования видимого и раскрывающегося перед нашим взором... в предельной приближенности нашей несообразности к образу невместимому, столь превышающему возможности восприятия нашего падшего естества...